

—18 июня я улетал в Калининград из Внуково. Был утомительно жаркий летний день, а я в пиджаке (для выступления на секции), взопревший, являюсь на регистрацию и узнаю о задержке рейса на четыре часа. Куда деваться? Тащиться по такой жаре обратно в Москву, а потом снова сюда? Размышляя на эту тему, я вышел покурить на воздух. Снуёт народ туда-сюда. Вон обои кто-то тащит. Кстати, Сашуля мечтает сделать ремонт, пять лет уж пролетело, как поселились в Калининграде. А обоев не достать. Вон ещё обои несут. Уж не продают ли их здесь где-нибудь поблизости? Сходить что ли в посёлок Внуково, посмотреть, чем там торгуют?

—По дороге мне попались ещё двое с обоями, и я уже не сомневался, что их продают здесь, во Внуково. Так оно и оказалось. В хозяйственном магазине продавали обои разных сортов, и народу было немного, очередь человек в пятнадцать. Через час я волок две связки рулонов обоев трёх сортов, которыми можно было оклеить две наши комнаты и коридор. И вполне приличные обои. Вот Сашуля обрадуется! Хоть такой навар с этой командировки, раз уж с секцией не вышло.

—Но с этими обоями я был теперь привязан к аэропорту, не становиться же в сумасшедшую очередь в камеру хранения. Да и ехать в Москву теперь никакого смысла, только и прокатаешься по жаре в автобусе... Нет уж, буду здесь сидеть. Вот только почитать ничего нет. Зато есть ручка и бумага. Можно писать. Начну-ка я писать мемуары!

Так мне это помнится сейчас. Но на первой странице рукописи "мемуаров" стоит дата 16 июня. Значит, начал я их писать ещё в ИЗМИРАНе за два дня до отъезда (ибо в дневнике погоды записано, что в ИЗМИРАНе я был с 11 по 18 июня). Следующая запись в рукописи сделана 17-го, а потом 21-го. Так что здесь противоречие и где-то ошибка, либо неверно датирована вторая запись, либо вылетал 17-го, а не 18-го. Но что писал в аэропорту с обоями, - помню вроде бы точно.

Но не важно. Так или иначе, но три года и восемь месяцев я пишу эти "мемуары" (эти строчки я пишу 18 февраля 1984 года), и дошёл в своём описании до момента, когда начал его, то есть почти поймал себя за хвост. Осталось описать то, что произошло за эти три года и восемь месяцев и что ещё произойдёт за то время, пока я буду описывать эти три года и восемь месяцев (Ахиллес всё-таки догонит черепаху! - будем надеяться).

—По приезде домой я узнал от Смертина последние рыбацкие новости: на днях Хорюков на Зелёном острове поймал за ночь на донки десять угрей на обычного червя.

—- Надо ехать, - решили мы с Володей и с Серёжей, и в пятницу, 21 июня, в четыре часа дня были с рюкзаками и снастями на причале у вагонзавода, где погрузились на "Ракету" и, весело распивая пиво (см. фото) в предвкушении рыбалки с ночёвкой, отправились на Зелёный остров, что напротив Светлого, один из гряды узких длинных искусственных (насыпных) островов, отделяющих морской канал от Калининградского залива. Последний раз я был на нём с Галкой Петровой после окончания 9-го класса, то есть летом 1959 года - 21 год тому назад. Рыбачить же здесь мне ещё ни разу не приходилось.

Лебле и Смертин на "Ракете" по пути на Зелёный остров, 21 июня 1980 г.

—Едва мы высадились, пошёл дождь, причём сильный, порывы ветра гнали невесть откуда взявшиеся тучи, а ещё полчаса назад ничто вроде бы не предвещало такого безобразия. У всех нас, слава Богу, были проолифенки, и дождь нас не пугал. Первым делом мы занялись дровами для костра и самим костром, пока не всё ещё затопило, и обеспечили себя теплом и светом на всю ночь.

Лебле и Смертин на Зелёном острове, 21 июня 1980 г.

—Пока мы занимались этим, дождь прошёл также вдруг, как начался. Тучи разогнало, солнышко выглянуло, и мы приступили к собственно рыбалке, а именно, к закидыванию донка: у каждого по три штуки на спиннингах.

—К одной я приспособил в качестве сигнализатора поклёвки могучий сувенирный "Валдайский колокольчик" размером с детский кулачок, подаренный как-то Людой Лебле, но услышать его звон как сигнал поклёвки так и не удалось. Зато одну поклёвку **увидел**: рвануло так, что я выронил фотоаппарат, бросившись к спиннингу. Никакого звука колокол при этом не издал, просто дёрнулся весь вперёд - не та частота, значит... Больше поклёвок до самой темноты не было, ни у меня, ни у Володи с Серёжей, ни на донки, ни на удочки.

Наши снасти на Зелёном острове, 21 июня 1980 г.

Когда стемнело, мы оставили донки заброшенными в канал, а сами расположились у костра, "у нас с собой было". Мы сидели, выпивали, уничтожали свою снедь, курили, разговаривали - славно так... Потом пошли проверять донки. Кое-где черви были объедены, но ничего не попало. Закинули снова и улеглись прикорнуть. Часик поспали и снова пошли проверять, из-за волн от проходивших по каналу кораблей лесы донок ослабли, провисли и болтались туда-сюда, надо было снова перезакидывать.

У меня две донки вообще перепутались друг с другом, а когда стал вытаскивать третью, было такое ощущение, что волочу кучу водорослей, еле тянул. Водоросли на ней, действительно, были, но был и угорь! - под килограмм почти, второй в моей рыбацкой практике. В потёмках я с ним измучился, пытаюсь снять его с крючка, не обрывая поводок, который он намотал, конечно, на себя, продолжая упруго извиваться.

Мой угорь воодушевил Володю и Серёжу, и они решили теперь бдеть прямо у донок, а я, перезакинув снасти, прилёг на песочке метрах в двух от воды и задремал, скорчившись в своей проолифенке как в чехле. Проснулся я, когда на меня рухнул водяной вал, набежавший на берег от огромного судна, шедшего по каналу явно с превышением скорости. Когда такая громада идёт по каналу, то вначале перед кораблём на расстоянии метров в сто от него вода как бы всасывается им под себя и назад, обнажая дно у берега, а потом возвращается высоким валом, который и накрыл меня с головой. Не помогла и проолифенка с капюшоном, вода проникла внутрь костюма, и остаток ночи мне пришлось сушиться у костра.

Утром появились какие-то мальчишки, похоже, из Светлого. Они порыбачили часа

два где-то ближе к краю острова и потом прошагали обратно, таща громадного угря в мою руку толщиной (или в детскую, во всяком случае). А мы больше так ничего и не поймали. Мой угорь остался единственной нашей добычей.

— Часов в одиннадцать утра мы уехали первой "Ракетой" домой, совершенно разморившись к этому времени от установившейся жары, да и после ночной бессонницы. Угря своего я завялил и отвёз в Севастополь, где мы с Павлом и Милочкой изничтожили его под пиво. К этому времени он уже слегка пересох и порезиновел, но всё же был хорош и весь пропитан жиром.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)